

© 2022

Эдуард Соболев

доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник

Института экономики Российской академии наук (г. Москва, Россия)

(e-mail: edsobol@rambler.ru)

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ И УРАВНИТЕЛЬНОСТЬ В ПОЛИТИКЕ ОПЛАТЫ ТРУДА В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ XX ВЕКА

В статье исследуется соотношение принципов уравнительности и дифференциации в политике оплаты труда в российской экономике на протяжении двадцатого века, раскрываются факторы, которые служили причиной этих изменений. Особое внимание уделяется анализу теоретических концепций, обосновывающих различия в оплате труда. Показано, что взаимодействие дифференциации и уравнительности в оплате труда прошло серьезную эволюцию от доминирования дифференциации по профессионально-квалификационному признаку в начале века до симбиоза крайне высокой статусной дифференциации и преимущественно уравнительного подхода к учету профессионально-квалификационных различий в период рыночных трансформаций.

Ключевые слова: заработная плата, воспроизводство рабочей силы, уравнительность, квалифицированный труд, профессионально-квалификационная дифференциация, статусная дифференциация, тарифная система.

DOI: 10.31857/S020736760023106-5

Одной из ключевых характеристик социально-экономического положения населения является оплата труда, достаточность заработков для удовлетворения потребностей на социально приемлемом уровне и их дифференциация, адекватно отражающая не только уровень трудовых усилий и общественную значимость различных видов труда, но и профессионально-квалификационные различия между категориями работников. В статье анализируются изменения соотношения в оплате труда между квалифицированными и неквалифицированными работниками, между рабочими и ИТР в ходе развития российской экономики на протяжении XX века и исследуются факторы, лежавшие в основе этих изменений.

Дифференциация в оплате труда в каждый конкретный исторический период призвана обеспечить выполнение основных функций заработной платы: стимулирующей (поощрение лучших результатов труда) и воспроизводственной (воспроизводство работника и членов его семьи на более-менее достойном уровне). Реализация этих функций осуществляется с помощью государственного регулирования заработной платы, в основе которого — ограничение минимальных размеров оплаты труда.

В определенном смысле проблема соотношения уравнительности и дифференциации в оплате труда проходит красной нитью через всю историю советского строя [24]. Она имеет прямое отношение к раскрытию причин кризиса советской системы хозяйствования, а также деформаций современной социально-экономической системы в России [21]. Бесспорно, и уравнительные тенденции в оплате труда, и далеко не всегда обоснованные разрывы в зарплатах негативно сказывались на трудовой мотивации и тормозили рост производительности труда. Эта проблема имеет отношение ко многим аспектам социальной структуры российского общества, в том числе к проблеме формирования среднего класса [29].

При анализе динамики зарплатного неравенства как в советский, так и в постсоветский период, преимущественно обращают внимание на количественные показатели, оставляя в тени вопросы причин этого неравенства. Между тем уравнительные тенденции в оплате труда в советской и рыночной системе вызываются принципиально различными факторами. Одно дело – идеологизированная «уравниловка» советского периода, совсем другое – куда менее эгалитарная, но не менее заметная уравнительность 1990-х годов.

Спорным является вопрос о том, когда в советский период дифференциация в оплате была оптимальной и эффективной как с точки зрения производительности труда, так и с точки зрения воспроизводства самих работников. В чем причины незавидного положения работников квалифицированного труда, прежде всего – их невысокой зарплаты в последний период советской власти? Наконец, какова роль экономической науки в обосновании уравнительных тенденций в оплате труда?

При оценке зарплатного неравенства в постсоветский период одни авторы полагают, что оно имеет неоправданно чрезмерный характер [1]. Другие, напротив, считают дифференциацию зарплаты, прежде всего в зависимости от сложности, явно недостаточной (особенно при оценке квалифицированного труда) [14]. При этом и те и другие ссылаются на статистические данные.

Этот круг дискуссионных вопросов стал предметом исследования в настоящей статье.

Дифференциация до революции. В преддверии революционных трансформаций начала прошлого века в России был достаточно высокий уровень дифференциации оплаты труда различных профессиональных категорий. В 1913 г. средний заработок рабочих составлял 25 руб. в месяц, в то время как заработки ИТР были в 5 раз выше (120–130 руб.). Коэффициент дифференциации реальных заработков между квалифицированными и неквалифицированными рабочими превышал 2,1 [2], что было даже несколько больше по сравнению с такими странами, как США и Англия. В литературе дается различное объяснение этому явлению. Господствуют две версии – технико-экономическая и социальная.

Технико-экономическое объяснение выводит высокий уровень профессионально-квалификационной дифференциации из особенностей комплектования рабочей силы для российской промышленности. Рабочие (особенно на ранней стадии индустриализации) рекрутировались в основном из крестьян, многие из которых нанимались на небольшие сроки. Работники высокой квалификации были в дефиците, а потому цена их труда была весьма значительной. Согласно расчетам Л.М. Иванова, в конце XIX в. рабочие крупной промышленности почти на две трети формировались из крестьян, к началу Первой мировой войны выходцы из деревни в первом поколении составляли более половины. Такая картина сохранялась и после 1917 г. Тезис советской историографии, что советский рабочий класс совсем не тот, что был раньше, плохо соответствовал реальности, в которой рабочие в массе своей сохраняли деревенскую подоснову, низкий уровень образования и культуры. До конца 1920-х гг. из деревни в город ежегодно перебиралось около 1 млн человек [15. С. 431], что было весьма типично для государства, вступающего в бурный период индустриального развития, для которого характерен дефицит квалифицированных работников и избыточное предложение неквалифицированного труда. Поэтому заработки квалифицированных работников были в России ощутимо выше, чем в тот же период в Европе, что делало нашу страну весьма привлекательной для квалифицированных мигрантов из западных стран. В то же время не обладающие ценными профессиональными навыками россияне охотно отправлялись на заработки в Европу, где за неквалифицированный труд платили относительно больше.

Наряду с технико-экономическим, существует и социальное объяснение высокой дифференциации, согласно которому фонд оплаты труда перераспределяется в пользу квалифицированных рабочих в целях формирования прослойки так называемой рабочей аристократии, экономические интересы которой постепенно сближаются с интересами буржуазии, что вносит раскол в рабочее движение. Такую позицию активно пропагандировал В.И. Ленин, порицавший квалифицированных работников за высокие заработки, которые считал предательством по отношению к основной массе рабочего класса. «Этот слой обуржуазившихся рабочих, или рабочей аристократии, вполне мещанских по образу жизни, по размеру заработков, по всему миросозерцанию, есть главная социальная опора буржуазии» [11]¹.

Вопрос о том, в какой мере основания для высоких заработков кроются в экономических и технологических реалиях, а в какой идут от социальной политики, до сих пор остается открытым и мало исследованным. Ответ на него не может быть однозначным. Однако не подлежит сомнению, что в советский период в России переоценивали социальную составляющую дифференциации и недооценивали технологическую. Следует особо отметить, что вопреки широко распространенному мнению, уравнивательные тенденции в оплате труда

¹ Подробно о рабочей аристократии см. [12].

проявились уже после февральской революции до прихода к власти большевиков. Так, согласно расчетам С. Струмилина, в середине 1917 г. ни о каком пятикратном разрыве в заработках речи уже не было: инженер, получавший зарплату по высшей ставке, зарабатывал лишь на 80% больше низкооплачиваемого рабочего.

Уравнительность и классовый подход. При военном коммунизме происходит дальнейшее снижение дифференциации заработков: к началу 1921 г. разница в оплате 12-го и 1-го разрядов рабочих составляла 2% [25]. Впрочем, на тот момент различия в величине денежных доходов не имели особого значения, так как около 95% средств существования распределялись в натуральной форме через пайки, дифференцированные по классовому признаку. Уровень квалификации при этом в расчет особо не принимался. Анализируя сложившуюся ситуацию, Струминин отмечал, что совокупный заработок пайком и деньгами наименее квалифицированного рабочего в условиях военного коммунизма превышал заработок инженера. В результате квалифицированные работники стали исчезать с рынка труда, а производительность труда упала.

Важным фактором возникновения уравнительных тенденций в те годы было общее понижение уровня жизни рабочих, связанное с разрухой — истощением производительных сил — как следствие революции и гражданской войны. Но главное все же в другом: под влиянием ортодоксальной пропаганды в массовом сознании в этот период формируется убеждение в особой ценности тяжелого физического труда. Одновременно интеллектуальный труд, требующий специальной подготовки, обладания сложными навыками, воспринимался как буржуазный, никчемный, а занятые на более чистых работах специалисты — как прослойка бездельников, паразитирующая на настоящих работах.

Относительно низкий уровень оплаты интеллектуального труда обосновывался догмой, согласно которой при социализме уровень образования работника не должен влиять на его трудовой доход. В подтверждение приводились известные слова Ф. Энгельса из «Анти-Дюринга»: «В обществе, организованном по-социалистически, эти расходы (расходы на образование — Э.С.) несет общество, поэтому ему принадлежат и плоды, то есть большие стоимости, созданные сложным трудом. Сам работник не вправе претендовать на добавочную оплату» [27. С. 207]. На этом основании делался вывод о справедливости уравнивания вознаграждения за квалифицированный и неквалифицированный труд.

Описанный теоретический подход реализовался в программных документах. Так, во второй Программе партии, принятой на VIII съезде РКП(б), провозглашалось стремление «к равенству вознаграждения за любой труд». Правда, авторы программы, осознавая, что перед ними суровая реальность, подчеркивали, что партия «не может ставить своей задачей немедленного осуществления этого равенства в данный момент». Поэтому «необходимо еще сохранить на известное время более высокое вознаграждение специалистов» [6].

НЭП: двойственность политики в оплате труда. С переходом к нэпу в организации труда постепенно вновь пробивает себе дорогу принцип материального стимулирования. Однако путь этот был тернист. На всем протяжении 1920-х годов в сфере оплаты труда шла борьба политики уравнительности, максимального игнорирования квалификационных различий и усиления дифференциации по профессионально-квалификационному признаку, учета сложности труда при установлении ставок его оплаты. Эта борьба шла с переменным успехом и отражалась в постоянных трансформациях тарифной системы.

Следует отметить, что установившаяся в тот период тарифная система позволяла формально увеличить соотношение зарплат рабочих высшей и низшей квалификации до уровня 1913 г. (3:1). Но сознательная политика государства в области оплаты труда была такова, что возможности тарифной сетки использовались лишь на две трети. В металлопромышленности действительное соотношение заработков квалифицированных и неквалифицированных рабочих в 1924 г. составляло 2:1, а в 1928 г. — 1,8:1. Поэтому, на наш взгляд, следует согласиться с точкой зрения, согласно которой не недостатки тарифной системы, а отсутствие политической воли в ее реализации обусловили сложную ситуацию с оплатой труда рабочих, то есть уравнительную политику нельзя сводить только к сужению «вилки» между разрядами в тарифной системе [16]².

Прочные позиции уравнительной политики привели к снижению в составе рабочей силы доли высокооплачиваемых рабочих. По подсчетам С. Постникова и М. Фельдмана, доля рабочих, получивших зарплату в размере более двух средних заработков, сократилась в 1928 г. до 5,8% по сравнению с 6,7% в 1924 г. и 9,7% в 1914 г. Таким образом, результаты борьбы с «рабочей аристократией» были налицо.

Сужая диапазон заработков промышленных рабочих, государство тем самым ограничивало доступный набор регуляторов политики в области труда и обладало меньшими возможностями экономического воздействия на эту сферу по сравнению с частными или казенными предприятиями в дореволюционный период (например, слабое использование или незначительность премий). В то же время слабая эффективность материальных стимулов была, видимо, главной причиной акцентирования на моральных стимулах, эксплуатации энтузиазма рабочих. Но моральные стимулы, не подкрепленные материальными, оказывали воздействие только на малограмотных и неквалифицированных рабочих, а кадровые рабочие, как правило, были к ним равнодушны.

В эти годы много дискуссий было посвящено обсуждению так называемой «потухающей кривой», согласно которой по мере роста квалификации различия в оплате труда должны сглаживаться. Следует признать, что эта политика находила поддержку среди рабочих.

² В этой работе имплицитно дана критика А.К. Соколова, который уравнительную политику по сути сводит к сужению «вилки» между разрядами в тарифной системе.

Особого внимания заслуживает изменение положения инженерно-технического персонала. Хотя после революции социальный статус интеллигенции существенно снизился, в итоге волны преобразований в 20-е годы инженеры оказались в относительно более благоприятном положении по сравнению с такими категориями, как врачи, учителя и даже профессора университетов. Если средняя зарплата работников умственного труда была несколько ниже зарплат рабочих, то на промышленных предприятиях специалисты получали зарплату в 2 с лишним раза выше по сравнению с рабочими. Этот разрыв вызывал неудовольствие среди рабочих и в профсоюзах. В декабре 1928 г. на VIII съезде профсоюзов руководитель ВЦСПС М.П. Томский говорил о «недопустимом разрыве в оплате труда между рабочими, с одной стороны, и инженерами и техническими работниками, с другой».

В то же время, поддерживая уравнительность в оплате для основной массы работников, власти развивали систему привилегий для определенных социальных групп. К кругу избранных относились политические функционеры и государственные служащие, «спецы» (высококвалифицированные технические специалисты), командный состав Красной Армии, а также элита творческой интеллигенции. Формы привилегий были различны. Специалистам, занятым на государственных предприятиях, устанавливались высокие, часто персональные, оклады. Партийные и государственные чиновники были связаны более жесткими пределами зарплаты (партмаксимум). Однако, они пользовались преимущественным снабжением, что было более чем актуально, с учетом острого дефицита продовольствия и промышленных товаров. Эта система привилегий возникла сразу же после революции. Она сохранилась при НЭПе, получила дальнейшее развитие при сталинском социализме и сопровождала советскую систему вплоть до ее гибели [13].

Курс на дифференциацию. В начале 1930-х годов был взят курс на борьбу с «уравниловкой», которая провозглашалась мелкобуржуазным пережитком, уходящим корнями в крестьянскую общину. 23 июля 1931 г. в известном выступлении перед хозяйственниками Сталин призвал «уничтожить уравниловку и разбить старую тарифную систему». По следам этого выступления были значительно расширены возможности дифференциации сдельной оплаты труда рабочих, разработана и внедрена новая сетка с «вилкой» в размере 1:4. В соответствии с новой тарифной политикой тарифная сетка становилась прогрессивной, т.е. разница в ставках оплаты между ее разрядами увеличивалась с ростом квалификации рабочего [3]. Был отменен «партмаксимум».

Сталин делал ставку на рабочих высокой квалификации, передовиков производства, «стахановцев». Сегодня получить представление об их заработках можно лишь по далеко не полным свидетельствам. Официальная статистика давала искаженные данные по этой категории рабочего класса, а с 1934 г. вообще перестала давать информацию о дифференциации, ограничиваясь лишь

средними показателями. Тем не менее даже отрывочные сведения позволяют развеять распространенный миф о тотальной уравниловке при Сталине. Например, шахтер-забойщик в месяц зарабатывал около 400 руб., в то время как забойщик-стахановец получал более 1600 руб. С учетом того, что зарплата низкооплачиваемого рабочего составляла 100 руб., а основная масса рабочих получала порядка 150 руб. в месяц, разница в заработках стахановцев и рядовых рабочих, даже не считая различного рода дополнительных льгот, могла составлять более 10 раз.

Децильный коэффициент заработной платы составлял 8:1, что явилось результатом проведения определенной социальной политики, разделившей общество на относительно немногочисленные социальные группы с непомерно высокими доходами, с одной стороны, и группы, ведущие существование на зарплату, едва обеспечивающую элементарное пропитание, – с другой [19].

В результате стахановских рекордов появилась возможность пересмотреть нормы выработки. А так как новые нормы было невозможно перекрывать в разы, в годы третьей пятилетки заработки стахановцев, а с ними и бюрократические разрывы в оплате труда, сократились. В то же время для рядовых рабочих новые нормы означали интенсификацию труда: нормы выработки увеличивались, а зарплата оставалась прежней. По имеющимся данным, в 1937 г. квалифицированный рабочий получал 200–300 руб., минимальная зарплата для рабочих составляла 110–115 руб. Основная масса рабочих получала среднюю зарплату около 150 руб. в месяц. В марте 1936 г., по данным единовременного учета оплаты труда рабочих и служащих, средняя зарплата ИТР превышала среднюю зарплату рабочих в 2,3 раза (490 руб. против 218).

К концу 30-х годов происходит угасание стахановского движения. Власть постепенно отходит от прежней социальной политики, направленной на обеспечение гегемонии рабочего класса. Соответственно растут разрывы в оплате теперь уже не между «элитой» рабочего класса и рядовыми работниками физического труда, а между рабочими и специалистами, имеющими высшее или, по крайней мере, среднее специальное образование и занятыми на соответствующих позициях. К концу 30-х годов, по данным известного эмигрантского экономиста С. Прокоповича, зарплата специалистов превышала зарплату рабочих в 2,5 раза (550 руб. у ИТР против 240 руб. у рабочих). А согласно данным официальной статистики, в 1940 г. в промышленности среднемесячные заработки рабочих были в 2,15 раза меньше заработков ИТР (324 и 690 руб.).

Именно в 30-е годы в период индустриализации дифференциация в оплате труда достигла наиболее высокого уровня за всю историю советской экономики. С 1940 года она постепенно начала сокращаться. Такая динамика дифференциации заработков не является особенностью ни России, ни сталинской индустриализации. Как эмпирически доказал Саймон Кузнец, аналогичные

процессы происходили и на Западе: рост дифференциации в период первоначальной индустриализации и постепенное снижение в развитую индустриальную эпоху³. Правда, имелись и различия. Во-первых, в России различия в оплате труда устанавливались не через рынок и коллективно-договорный механизм, а посредством прямого государственного регулирования через законодательно утвержденную тарифную систему. Во-вторых, дифференциация в зарплате дополнялась системой привилегий и особых материальных льгот. В-третьих, эта дифференциация имела сильную социально-идеологическую составляющую и была направлена на формирование элиты, на которую должен был опираться советский строй, в том числе из рабочих.

В 1950-е годы оклад квалифицированного рабочего в промышленности был выше заработка неквалифицированного в 1,3–2,8 раза. Высок был и заработок инженеров, занятых на промышленных предприятиях. Это было время естественной рациональной дифференциации, когда заработная плата квалифицированных рабочих и ИТР устанавливалась исходя из общественно необходимой значимости и сложности их труда. С одной стороны, в этот период не наблюдалось астрономических разрывов, характерных для 1930-х годов, когда «знатные стахановцы» зарабатывали в 5–10 раз больше рядовых рабочих, а в ряде случаев их дневной заработок превышал средний месячный заработок тех, кто не принадлежал к «элите» рабочего класса. С другой стороны, как тогда казалось, ушла в прошлое авангардистская уравнительность более ранних лет советской власти и достойно оценивались такие факторы, как образование, квалификация, опыт работы.

В это же время был введен официальный минимум заработной платы в народном хозяйстве (27–35 руб. в месяц), что обеспечивало повышение заработной платы низкооплачиваемых работников. Это была важнейшая общегосударственная гарантия, ниже которой работнику нельзя было платить заработную плату независимо от того, где он занят. В теоретическом плане был выдвинут и всесторонне обоснован тезис об общественно необходимых издержках воспроизводства рабочей силы как лежащих в основе минимальной оплаты труда. В результате, в советской системе установленная государством минимальная заработная плата в общем и целом выполняла свои функции, обеспечивая доступ хотя и к низкому, но социально приемлемому уровню потребления благ и услуг. Советский минимум оплаты труда в этот период и позже превышал прожиточный минимум почти в полтора раза [4].

Одновременно были ликвидированы выплаты, которые давали необоснованные преимущества отдельным категориям работников. Были снижены или отменены наиболее высокие должностные, в том числе персональные, оклады, произошло упорядочение премирования (отмена системы так называемых «пакетов»), ликвидированы некоторые наиболее вопиющие «натуральные» привилегии [18].

³ Более подробно см. [2].

Благоприятным фактором, способствующим здоровой дифференциации оплаты труда, была финансовая стабильность советской экономики, отсутствие инфляции. Розничные цены в период пятой пятилетки (1951–1955 гг.) в целом снизились на 10–11% (даже с учетом некоторого их роста в колхозной торговле). В шестой пятилетке (1956–1960 гг.) произошел лишь незначительный рост розничных цен [26]. Такая стабильность цен – существенное отличие от 30-х годов, на протяжении которых потребительские цены выросли почти в 6 раз.

Возврат к политике уравнительности. Период естественной дифференциации был довольно коротким – от смерти Сталина до того времени, когда Хрущев провозгласил развернутое строительство коммунизма. Уже в конце 50-х годов из небытия вернулась «классовая политика» приоритетной поддержки рабочих. По сравнению с первыми послереволюционными годами такая политика стала обосновываться более тонко и изощренно. Под представления о равенстве в оплате квалифицированного и неквалифицированного, умственного и физического труда подводилась солидная теоретическая база. Более низкий социальный статус лиц интеллигентных профессий, таких как врач, учитель, исследователь, выводился из основополагающего постулата марксизма о решающей роли материального производства по сравнению с остальными сферами человеческой жизнедеятельности. На эту цель работало и так называемое учение о производительном труде, когда производительным объявлялся лишь труд, непосредственно связанный с производством материальных благ. Наконец, низкий уровень оплаты интеллектуального труда обосновывался концепцией, согласно которой закономерностью социализма является преодоление классовых различий и становление социально однородного общества⁴.

С начала 60-х годов форсированная политика формирования социально однородного общества приобрела весьма уродливую форму, которая выражалась в искусственном «подтягивании» низкооплачиваемых работников к среднему уровню трудовых доходов. Это делалось сугубо административными методами, без какого бы то ни было экономического обоснования.

В начале 70-х годов была проведена тарифная реформа, в ходе которой сужалось соотношение ставок оплаты крайних разрядов рабочих в промышленности (в пределах 1:1,58; 1:1,71 и 1:1,86) [3]. Одновременно зарплата ИТР стремительно сближалась с заработком рабочих. Если в середине 50х гг., по официальным данным, средняя зарплата ИТР была выше зарплаты рабочего в 1,7 раза, то в 1960 г. – в полтора, в 1970 г. – на треть, в 1980 г. – на четверть, а в середине 80х гг. – в 1,1 раза. Общественные фонды потребления также в гораздо большей степени перераспределялись в пользу рабочих. Если же принять в расчет тот факт, что официальная статистика в состав ИТР включала инженеров, находящихся на руководящих

⁴ Рецидивы такого подхода встречаются до сих пор: «Безусловно, справедливо, что существовавший в 20-е годы трёхкратный разрыв между оплатой труда инженеров и служащих, с одной стороны, и рабочих, с другой, последовательно сокращался... Этот процесс соответствовал основной закономерности развития социализма – преодолению классовых различий» [17].

должностях, а в состав рабочих – низкооплачиваемых служащих (вахтеры, пожарники), то в реальности уровень жизни рядового инженерно-технического персонала к 80-м гг. был ниже жизненного уровня рабочих.

В этот период доминирование уравнительного тренда достигло своего апогея. И хотя в 70-х и в начале 80-х годов предпринимались попытки затормозить подобное сближение, но они не удавались. Только в середине 80-х гг. наблюдается некоторый рост дифференциации. Но это уже было иное время, начиналась эпоха рынка.

Естественно, политика уравнительности в оплате отразилась на престижности квалифицированного труда. Если в 50-х годах считалось, что специальность инженера гарантирует высокую зарплату и социальный статус, то в 70-х гг. ситуация изменилась. Показательно, что в ходе социологических опросов инженеры часто завышали свою зарплату, так как стыдились ее скромных размеров. В таком же положении находились учителя и врачи – самые массовые отряды интеллигенции с высшим образованием. Если в 1950 году зарплата преподавателя вуза без степени составляла 162% от средней по стране, то в 1960 году – 141%, а в 1975, даже после повышения ставок, всего 86%. [5].

В науке до середины 1950-х годов заработная плата составляла 176,2% от средней заработной платы и была самой высокой в стране. В последующие годы оплата труда в этой отрасли стала стабильно снижаться, достигнув минимума в 1987 г. (104,1% по отношению к средней по стране). В конце 80-х годов намечилось некоторое улучшение ситуации: в 1990 г. зарплата в науке на 18,6% была выше средней по стране. С начала 1980-х годов падает престижность научной деятельности. Это фиксируют проведенные в те годы социологические исследования, согласно которым лишь менее четверти опрашиваемых ученых считали свою работу престижной и только 17,2% – хорошо оплачиваемой [20].

Недооценка квалифицированного и умственного труда, наряду с переоценкой неквалифицированного и физического, выступила, по нашему мнению, одним из серьезных факторов снижения стимулов к труду, кризиса советской системы стимулирования труда, снижения эффективности использования человеческого потенциала страны. Одним из проявлений этого кризиса стала расширяющаяся практика перехода лиц с высшим и средним специальным образованием на рабочие должности и в сферу услуг. Конечно, такие процессы наблюдались и ранее, в том числе в первые послереволюционные годы и при НЭПе, но тогда они носили вынужденный характер как результат запрета на профессии для «социально чуждых элементов». В 1960–1980-е годы ведущей мотивацией для перехода на рабочие должности стали материальные соображения. При этом пропаганда преподносила факты перехода специалистов с высшим образованием в рабочие из-за низкой зарплаты как проявление объективного процесса интеллектуализации рабочих профессий в эпоху стирания

существенных различий между умственным и физическим трудом. В действительности это было уродливое явление, порожденное извращенной системой оплаты труда в сочетании с перепроизводством специалистов системой высшего профессионального образования.

Люди с высшим образованием вынуждены были годами «сидеть» на должностях, требующих меньшей квалификации. К середине 1980-х годов около 4 млн человек с высшим образованием работали на должностях, такого образования не требующих. В то же время насчитывалось 4,1 млн «практиков», работающих на должностях, требующих высшего образования, которым эти работники не обладали. Поскольку материальное положение образованного слоя относительно рабочих постепенно ухудшалось, численность «рабочих интеллигентов» продолжала расти на протяжении всех лет «перестройки» [5].

В конце 1980-х норма отдачи от образования в СССР, показывающая процент возрастания заработной платы работников при увеличении продолжительности обучения на один год, составляла не более 1–2%, в то время, как в большинстве развитых стран соответствующий показатель достигал 8–10% [8]. Таким образом, в величине пожизненных заработков специалист с высшим образованием практически ничего не выигрывал по сравнению с работниками, багаж знаний которых ограничивался средней школой или профессионально-техническим училищем.

Таким образом, истоки коренного порока российского рынка труда при установлении заработков — слабый учет факторов, связанных с развитием рабочей силы (квалификация, опыт, образование), — следует искать в политике уравнительности позднесоветского периода. В сфере оплаты труда сложилась, с одной стороны, уравниловка, когда оплата высококвалифицированного умственного труда понизилась до уровня оплаты среднеквалифицированного физического труда, а с другой стороны, сложилась система привилегий, как явных, так и скрытых от глаз простых людей.

Начиная с 1960-х годов квалифицированный труд постепенно терял престиж. Одновременно усиливался экстенсивный характер использования трудовых ресурсов. Эти факторы блокировали стимулы к повышению квалификации, освоению новой техники. В результате резко обострился дефицит квалифицированных рабочих кадров и стало ухудшаться качество специалистов. По различным оценкам, к концу советского периода квалифицированные рабочие составляли от 5% до 18% от общей численности рабочих против 50–60% в развитых странах [8]. Можно предположить, что аналогичные проблемы существовали и с инженерно-техническим персоналом.

1990-е годы: уравнительность на фоне социальной поляризации. Рыночный фундаментализм, который реализовался в экономической политике российской власти в 1990-е годы, в сфере трудовых отношений базировался на концепции дешевого труда. Рост заработной платы в рамках этой концепции

рассматривался ее адептами как фактор, снижающий конкурентоспособность российской экономики⁵. Важным элементом теоретического обоснования политики низких зарплат (дешевого труда) была монетаристская концепция природы инфляции, согласно которой избыточный уровень заработков порождает неконтролируемый рост цен.

На практике на рабочей силе стали экономить. В конце 1990-х годов чуть ли не вся тарифная сетка опустилась ниже прожиточного минимума. С переходом экономики на рыночные рельсы ситуация с воспроизводством квалифицированной рабочей силы ухудшилась по сравнению с дореформенным периодом. Получаемая заработная плата часто была недостаточна для воспроизводства даже простой рабочей силы, не говоря уже о квалифицированной. Законодательство практически перестало регулировать оплату квалифицированного труда. Ситуацию усугубляло то, что если в плановой советской экономике многие затраты на рабочую силу брало на себя государство, не только практически полностью финансировавшее образование и здравоохранение, но и взявшее на себя значительную часть расходов в сферах культуры, ЖКХ, содержания транспортной инфраструктуры. В изменившихся условиях развитие этих сфер было отдано на откуп рынку, в результате чего воспроизводственная нагрузка на заработную плату резко выросла. Причем сильнее всего это затронуло наиболее квалифицированные слои работников, наиболее активно потреблявшие продукт социальных отраслей [23]. Одним из драматических явлений в социально-экономической сфере в современной России стало появление многочисленного слоя «новых бедных», среди которых значительное место занимают специалисты, работа которых требует высокого уровня образования и сложных в освоении навыков [7].

Нельзя отрицать, что рыночные реформы увеличили спрос на ряд квалифицированных категорий, обладающих специфическими навыками, необходимыми для эффективной реализации рыночных взаимодействий, потребность в которых в условиях планового хозяйства была значительно ниже или вовсе не ощущалась. Возникло множество новых профессий в растущих сегментах экономики. Развитие информационных технологий, финансовых и деловых услуг, расширение частного сектора приводили к росту спроса на соответствующие квалифицированные группы, которые образуют наиболее благополучный и высокооплачиваемый слой работников. Однако одновременно резко ухудшились условия воспроизводства рабочей силы в реальном секторе экономики (кроме топливно-энергетического комплекса) и в социальных отраслях, где сосредоточена значительная часть квалифицированных кадров [9].

Таким образом, в целом положение не улучшилось. Значительная часть квалифицированных работников, начиная от массовых до инновационных видов деятельности, либо оказалась невостребованной на рынке труда, либо получает

⁵ Критику концепции дешевого труда см. [10].

зарботки, едва «дотягивающие» до величины прожиточного минимума. По нашим оценкам, к началу нулевых годов среди работников с зарплатой ниже прожиточного минимума почти 30% имели высшее, а 43% среднее специальное образование [22]. В семьях этих работников было невозможно улучшить жилищные условия, дать детям хорошее образование, а следовательно, само рождение детей стало проблемой. В сфере науки вплоть до 1998 г. зарботки были ниже, чем в среднем по стране. Минимальное значение было достигнуто в 1992 г., когда зарплата в науке составляла всего лишь 64% от средней по экономике.

В 1990-х годах Институтом экономики РАН было проведено несколько раундов обследования социально-экономического положения предприятий, которое позволило отследить две главные тенденции в динамике дифференциации зарплаты. Первая тенденция – увеличение отрыва зарботков высшего менеджмента предприятий от трудовых доходов основной массы занятых под их началом работников, т.е. усиление статусной дифференциации. Вторая тенденция – сокращение разрыва в зарботках квалифицированных и менее квалифицированных работников. Таким образом, с одной стороны, сокращалась дифференциация в оплате труда различных профессионально-квалификационных категорий, а с другой, усиливалась статусная дифференциация между управленческим персоналом и остальными работниками [28]. Другими словами, организацию зарботной платы в экономике России с переходом к рыночным отношениям можно охарактеризовать как сочетание уравнительности для основной массы работников и неоправданно высоких зарботков для относительно небольшого привилегированного слоя управленцев.

* * *

Анализ соотношения принципов уравнительности и дифференциации в политике оплаты в российской экономике на протяжении двадцатого века показал, что их взаимодействие носило волнообразный характер и прошло серьезную эволюцию от относительно высокой даже по международным меркам дифференциации периода буржуазной индустриализации в начале XX века до симбиоза крайне высокой статусной дифференциации и преимущественно уравнительного подхода к учету профессионально-квалификационных различий в период рыночных трансформаций последней декады тысячелетия. В советский период основным принципом распределения трудовых доходов выступала, по большей части, уравнительность. Что касается дифференциации, то отношение к ней варьировалось от полного неприятия до признания необходимым элементом распределения по труду. Оптимальная дифференциация оплаты труда была достигнута в 1950-е годы, когда зарботная плата квалифицированных рабочих и ИТР устанавливалась исходя из общественно-необходимой значимости и сложности их труда. В последующие годы отыгрывал свои позиции принцип уравнительности.

В теоретическом плане уравнительная практика советского периода базировалась на догме, согласно которой при социализме квалифицированный труд как таковой не может претендовать на более высокую оплату, поскольку образование и квалификацию работник получает за счет средств общества. Соответственно, и выгоды от образования должны не присваиваться индивидом, а распределяться в соответствии с общественными интересами.

Ухудшение материального положения квалифицированных работников (как среди рабочих, так и ИТР) обычно связывается с экономическими реформами 1990-х годов. Однако если абсолютный уровень их благосостояния, прежде всего ИТР, действительно резко упал именно в этот период, то положение относительно других слоев рабочей силы качественно не изменилось, так как к этому времени оно давно уже оставляло желать лучшего. И начался этот процесс отнюдь не в начале 90-х годов, а на много раньше. В постсоветский период уравнительные тенденции в оплате труда, ощутимо ударившие по квалифицированной рабочей силе, стали следствием ослабления государственного регулирования оплаты труда и установившейся в рыночной экономике стратегии менеджмента по минимизации затрат на рабочую силу. Сложившаяся в результате система, в которой различия в зарплатах слабо связаны с профессиональными характеристиками работников, одновременно страдает от избыточной статусной дифференциации и недостаточного учета факторов квалификации, образования и накопленного опыта. Этот искаженный характер дифференциации снижает стимулы к профессиональному развитию, что ведет к ухудшению качества национального человеческого потенциала и тормозит эффективность экономических процессов.

Литература

1. *Анисимова Г.В.* Обострение социально-экономического неравенства в России / Общество и экономика. 2020. № 9. С. 125–134. DOI: 10.31857/S020736760011355-9
2. *Бородкин Л.И.* Неравенство доходов в период индустриальной революции. Универсальна ли гипотеза о кривой Кузнецца? // Россия и мир. Сб. статей. М.: РОССПЭН, 2001. С. 331–353.
3. *Бородкин Л.И., Дробышевская Т.А.* Советская экономика в 1930–1970 гг.: взгляд из XXI века / Экономическая история. Обзорение. Вып. 7 // М. 2001. С. 3–12.
4. *Воейков М.И., Соболев Э.Н., Анисимова Г.В.* Социальный императив Е.И. Капустина и современность (к столетию со дня рождения) // Вестник Института экономики РАН. 2021. № 5. С. 188–202. DOI: 10.52180/2073-6487_2021_5_188_202
5. *Волков С.В.* Интеллектуальный слой в советском обществе // М.: ИНИОН РАН, 1999. 250 с.
6. Восьмой съезд РКП(б): Стенографический отчет // М.: Коммунист, 1919.
7. *Долматова С.А.* Проблема «работающих бедных» в контексте «коронакризиса» в России // Вопросы политической экономии. 2021. № 1. С. 126–139.
8. *Капелюшников Р.И.* Образовательный потенциал и его связь с характеристиками рынка труда: российский опыт // Экономическая политика. 2006. № 4. С. 166–195.
9. *Капустин Е.И.* Уровень, качество и образ жизни населения в России // М.: Наука. 2006. 324 с.
10. *Куликов В.* Концептуальные основы современной экономики труда // Российский экономический журнал. 2000. № 11–12. С. 56–67;

11. *Ленин В.И.* Империализм, как высшая стадия капитализма // Ленин В.И. Полн. собр. соч., изд. 5. Т. 27. С. 299–426.
12. *Мионов Б.Н.* Трудовая этика российских рабочих в пореформенное время / Социальная история. Ежегодник. 1998–1999 // М.: РОССПЭН, 1999. С. 246–286. URL: <http://www.hist.msu.ru/Labour/Article/mironov.pdf>
13. *Мэтьюз М.* Становление системы привилегий в Советском государстве // Вопросы истории. 1992. № 2–3. С. 45–61. URL: <http://istorja.ru/articles.html/russia/mervin-metyuz-stanovlenie-sistemyi-privilegiy-v-sovetskom-gosudarstve-r775/>
14. Некоторые аспекты динамики заработной платы и доходов в 1993 году // М.: ИЭ РАН, 1994. 112 с.
15. НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты // М.: РОССПЭН, 2006. 544 с.
16. *Постников С.П., Фельдман М.А.* Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900 – 1941 гг. // М.: РОССПЭН, 2009. 367 с.
17. *Пригарин А.* Будущее за интеллигенцией // Альтернативы. 1999. Вып. 3. С. 2–22.
18. *Роговин В.З.* Справедливость и равенство // М.: Институт социологии РАН. 2007. С. 286–287. 394 с.
19. *Роговин В.* Сталинский неонэп // М., 1991. 384 с.
20. *Сбытов В.Ф.* Штрихи к портрету советской научно-технической интеллигенции // Социологические исследования. 1986. № 3. С. 113.
21. *Соболев Э.Н.* Политика уравнительности в оплате труда как фактор деформаций советской и кризиса современной социально-экономической системы / СССР. «Застой» / Под ред. Р. Крумма, Л. Булавки // М.: Культурная революция, 2009. С. 251–268.
22. *Соболев Э.Н.* Трудовые отношения в свете российских трансформаций (XX – начало XXI в.) // М.: ИЭ РАН, 2012. 260 с.
23. *Соболева И.В.* Проблемы воспроизводства человеческого потенциала в трансформационной экономике // М.: ИЭ РАН, 2006. 236 с.
24. *Соколов А.К.* Курс российской истории. 1917–1940 // М.: Высшая школа, 1999.
25. *Струмилин С.Г.* Проблемы экономики труда // М.: Наука. 1982. 472 с.
26. *Ханин Г.* Десятилетие триумфа советской экономики. Годы пятидесятые // Свободная мысль–XXI. 2002. № 5. С. 72–94.
27. *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., изд. 2. Т. 20.
28. *Sobolev Ed., Campbell All.* (2020) Present-Day Problems of Wage Remuneration in Russia / Review of Radical Political Economics. Vol. 52, iss. 4, p. 673–683. URL: <https://doi.org/10.1177/0486613420939920r>
29. *Voeykov M., Anisimova G.* (2022) Socio-Economic Inequality and Quality of Life in Russia // Critical Sociology. Vol. 48. No. 4–5. P. 729–742. URL: <https://doi.org/10.1177/0486613420939920r>

Eduard Sobolev (e-mail: edsobol@rambler.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Leading Researcher,
Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (RAS)
(Moscow, Russia)

DIFFERENTIATION AND EQUALIZATION IN WAGE POLICY IN RUSSIA THROUGHOUT THE XX CENTURY

The article examines the relationship between the principles of equalization and differentiation in the wage policy in Russia throughout the 20th century, and reveals the factors that caused the changes. Particular attention is paid to the analysis of theoretical concepts justifying wage differences. It is shown that the interaction of differentiation and equalization in wages has undergone a gradual evolution from the dominance of differentiation based on professional skills and qualifications at the beginning of the century to a symbiosis of extremely high status differentiation and a predominantly equalizing approach to differences in professional skills and qualifications during the transition to a free market system and its development.

Keywords: wages, labor force reproduction, leveling, skilled labor, professional and qualification differentiation, status differentiation, tariff system.

DOI: 10.31857/S020736760023106-5